

Syberia.
Wizje literackie – wizje dokumentalne

Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego

Syberia.
Wizje literackie – wizje dokumentalne

Redakcja naukowa
Piotr Głuszkowski

Warszawa 2017

Seria „Studia Rossica”, tom XXVI

Redaktor naczelny: Magdalena Dąbrowska
Sekretarz redakcji: Piotr Głuszkowski

Kolegium Redakcyjne: Irina Adelgeim (Moskwa), Lubow Kisielowa (Tartu),
Andrzej de Lazari (Łódź), Aleksandr Lipatow (Moskwa),
L'ubor Matejko (Bratysława), Irina J. Prochorowa (Moskwa),
Wiktor Skrunda (Warszawa), Natalia Żyliakowa (Tomsk)

Recenzenci tomu:
Henryk Głębocki, Michał Głuszkowski, Jerzy Grzybowski,
Zbigniew Kopeć

Redakcja tekstów w języku polskim i rosyjskim:
Magdalena Dąbrowska

Redakcja tekstów w języku angielskim:
Mariusz Górnicz

© Copyright by Instytut Rusycystyki UW
Warszawa 2017

Wydano na zlecenie Instytutu Rusycystyki
Uniwersytetu Warszawskiego
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa
ir@uw.edu.pl

Publikacja sfinansowana ze środków Wydziału Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytetu Warszawskiego

ISBN 978-83-61116-37-0

Projekt okładki na podstawie zdjęcia wykonanego
przez Piotra Głuszkowskiego

Druk i oprawa: Zakład Graficzny UW. Zam. 858/2017

SPIS TREŚCI

Piotr Gluszkowski SŁOWO WSTĘPNE	7
Светлана Мулина БУНТ КОНФЕДЕРАТОВ В ТОБОЛЬСКЕ В ИСТОЧНИКАХ И ИССЛЕДОВА- ТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	11
Zbigniew J. Wójcik FRANÇOIS AUGUSTE THESBY DE BELCOUR, <i>DZIENNIK FRANCUSKIEGO</i> <i>OFICERA W SŁUŻBIE KONFEDERATÓW BARSKICH I SYBERYJSKIEGO</i> <i>ZESŁAŃCA</i> – REFLEKSJA O NOWEJ EDYCJI	21
Magdalena Dąbrowska „ИРТЫШ, ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ В ИППОКРЕНУ” – PIERWSZE CZASO- PISMO WYDAWANE NA SYBERII. STAN I PERSPEKTYWY BADAŃ	33
Piotr Gluszkowski LITERATURA POLSKA I ROSYJSKA W <i>DZIENNIKU SYBERYJSKIM</i> JULIANA GLAUBICZA SABIŃSKIEGO	43
Михаил Грибовский ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР В СУДЬБАХ ТОМСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕС- СУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	55
Kyunney Takasaeva (Künnej Takaahaj) JAKUCKA RZECZYWISTOŚĆ W TWÓRCZOŚCI WACŁAWA SIEROSZEW- SKIEGO	65
Ирина Нам ВРЕМЕННОЕ СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛЬСКИЕ ОРГА- НИЗАЦИИ (1918 г.)	81
Wojciech Olszewski SYBERYJSKIE WSPOMNIENIA TORUNIAN	91
Zbigniew Kaźmierczyk <i>WSCHÓD</i> ANDRZEJA STASIUKA	101
Константин Григоричев ПОСТСОВЕТСКИЕ „ЭТНИЧЕСКИЕ” РЫНКИ КАК МЕХАНИЗМ ОРИЕН- ТАЛИЗАЦИИ СИБИРСКОГО ГОРОДА	111

Ewa Nowicka

TRADYCJA ODNALEZIONA. STUDIUM WSPÓŁCZESNEJ KULTURY
BURIACKIEJ 119

Noty o autorach 135

Светлана Мулина
Омск, Россия

БУНТ КОНФЕДЕРАТОВ В ТОБОЛЬСКЕ В ИСТОЧНИКАХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Revolt confederates in Tobolsk in primary sources and research publications

Key words: Siberian exile, Polish Confederates, insurrection

Abstract: On the basis of archival evidence and memoirs, the author reconstructs the history of a revolt among the captured Polish Confederates in Tobolsk in 1774 and compares the actual events with the historiographic image.

Практически каждый этап польской ссылки содержит примеры участия ссыльных в социальных конфликтах на территории Сибири, позволяющие исследователям говорить либо о продолжении борьбы поляков с российским правительством за независимость, либо о польско-российском сотрудничестве в борьбе за „нашу и вашу свободу”. При этом классовый подход в советской историографии и склонность польских исследователей героизировать историю борьбы с Российской империей часто способствовали преувеличению размаха реальных событий и значимости данного сюжета в польской сибиряде. В последние десятилетия расширение источниковой базы и уменьшение идеологического давления на науку способствовало появлению более взвешенных оценок „польско-российских революционных связей”, в том числе „омского дела” 1832–1833 годов, Кругобайкальского восстания 1866 года, конспирации 1860-х годов².

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-01-00360 „Конфедераты в Сибири: между историей и мифом”.

² Например, см.: W. Śliwowska, *Ucieczki z Sybiru*, Warszawa 2005; S. Mulina, *Migranci wbrew swej woli. Adaptacja zesłanych powstańców styczniowych na Syberii Zachodniej*, Warszawa 2017.

Бунт пленных конфедератов в Тобольске 1774 года, о котором пойдет речь в этой статье, до настоящего времени не был предметом отдельного исследования. Historики, как правило, рассматривали тобольские события на фоне более грандиозного социального волнения того времени – крестьянской войны Емельяна Пугачева. В работе известного русского историка Александра Ивановича Дмитриева-Мамонова тобольское восстание поляков представлено как отголосок пугачевского бунта, а его причинами названы плохое содержание нижних чинов и грубое отношение к ним со стороны начальников воинских команд³.

Советские историки подчеркивали социальные корни восстания конфедератов. В.А. Спирков назвал его „последним, наиболее массовым волнением среди пленных польских конфедератов, насильно определенных в солдаты царской армии”⁴. Он ставит тобольские события в один ряд с волнениями пленных поляков в 1773 году в Оренбурге, Таналыкской крепости, случаями группового перехода солдат из конфедератов на сторону восставших. По мнению исследователя, поляки тщательно готовили восстание в Тобольске и имели руководящий центр из 24-х человек. Но наибольшей мистификации заговор поляков достиг в работе польского исследователя Зыгмунта Млынарского, опубликованной в 1956 году. Он полагал, что в тобольском гарнизоне существовала организованная группа конфедератов, которая проводила регулярные встречи, разрабатывая планы восстания. Соглашаясь с тем, что конфедераты ставили главной своей целью освобождение из плена, Млынарский утверждал, что конфедераты должны были понимать, что это было возможно, только опираясь на мощное восстание народных масс, которое под предводительством Пугачева потрясло всю систему царского самодержавия⁵.

Привязка тобольских событий к пугачевским волнениям стала причиной некоторых фактических ошибок в более поздних и даже современных работах. В одном из российских словарных изданий написано: „Под воздействием слухов об успехах Пугачева в ноябре 1773 вспыхнул мятеж ссыльных в Тобольске, подавленный силами гарнизона”⁶. Между тем, бунт конфедератов в Тобольске произошел не в 1773 году, а в сентябре 1774 года, уже после окончательного разгрома пугачевских войск под г. Царицыным. Неправильная датировка событий (1773 года) проникла также в исследование польского историка Владислава Масыжа⁷.

³ А.И. Дмитриев-Мамонов, *Пугачевщина в Сибири: очерк по документам экспедиции генерала Деколонга*, Москва 1898, с. 133.

⁴ В.А. Спирков, *Участие пленных польских конфедератов в крестьянской войне в России 1773 – 1775 гг.*, „Вестник Ленинградского университета” 1963, nr 14, сер. истории, языка и литературы, с. 28.

⁵ Z. Mlynarski, *Konfederaci barscy w powstaniu Pugaczowa*, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego”, 1956, nr 3-4, s. 106-107.

⁶ Оренбургская пушкинская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ope/p.php> (дата обращения: 24.11.2016).

⁷ W. Masiarz, *Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii 1838–1922*, Kraków 1999, s. 20.

Пересмотру взглядов на события в Тобольске препятствует недостаток источников. Большинство авторов опирается на воспоминания польского конфедерата Кароля Любича Хоецкого⁸, высоко оценивая их познавательный потенциал⁹. Но знаменитый конфедерат не был свидетелем бунта и, как предполагают лучшие знатоки этого произведения – польские историки Антоний Кучиньский и Збигнев Вуйцик, – черпал информацию о событиях в Тобольске из рассказов поляков, включенных на службу в Сибирский корпус¹⁰. В 1928 году Владислав Конопчиньский опубликовал отрывок рапорта сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина о бунте конфедератов в Тобольске¹¹. Документ был представлен в переводе на польский язык и без точного указания места хранения оригинала. В конце XX века этот же отрывок вошел в качестве приложения к мемуарам Кароля Хоецкого, подготовленным к изданию Антонием Кучиньским и Збигневом Вуйциком¹². Полная оригинальная версия этого документа „Экстракт, выбранной из дела о бунте находившихся в Тобольске польских пленных конфедератов в службе, и каким образом между ними заговор был сделан, и в чем настоящее намерение их состояло”, приложенная к рапорту сибирского губернатора Д. И. Чичерина в Правительствующий Сенат от 10 января 1775 года, хранится в Коллекции уголовных дел по государственным преступлениям (фонд 6) Российского государственного архива древних актов¹³. Из материалов дела вытекает, что центральные власти, получив рапорт Д. И. Чичерина о событиях в Тобольске от 9 октября 1774 года, потребовали более подробных сведений о природе событий. Сенат 17 ноября 1774 года предписал сибирскому губернатору выяснить, что стало причиной бунта, каким образом между конфедератами был заключен договор, как о бунте стало известно властям, и в чем состояло истинное намерение заговорщиков. Предписание было получено Чичериным 9 января 1775 года и уже на следующий день он отправил в Правительствующий Сенат рапорт с экстрактом из дела о тобольском бунте, проясняющем обстоятельства событий. Экстракт, а также полная версия дела „О бунте, учинившемся в Тобольске” и другие сопутствующие документы, сохранившиеся в российских архивах, позволяют уточнить многие детали тобольских событий,

⁸ K. Chojecki, *Pamięć dzieł polskich: podróz i niepomysłny sukces Polaków*, na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński i Zbigniew J. Wójcik, Bagnó – Warszawa – Wrocław 1997.

⁹ J. Getka, *Polscy XVIII-wieczni zesłańcy syberyjscy. Strategie (prze)życia na zesłaniu*, „Acta Neophilologica” 2014, XVI (1), s. 166.

¹⁰ K. Chojecki, op. cit., s. 106.

¹¹ *Konfederacja barska. Wybór tekstów*, red. W. Konopczyński, Kraków 1928, s. 180-181.

¹² K. Chojecki, op. cit., s. 186-187.

¹³ *Экстракт, выбранной из дела о бунте находившихся в Тобольске польских пленных конфедератов в службе, и каким образом между ними заговор был сделан, и в чем настоящее намерение их состояло. Приложен к рапорту сибирского губернатора Д. И. Чичерина в Правительствующий Сенат. 10 января 1775 г.* Тобольск, Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 2 – 5 об.

реконструировать отношение к ним местной и центральной власти, а также сравнить реальные события с образом, сложившимся в историографии.

В мемуарах К. Хоецкого говорится, что причиной недовольства поляков стало то, что сибирский губернатор не отпускал их на родину, несмотря на амнистию. Рапорт Д.И. Чичерина подтверждает, что поляки от соотечественников, отправляемых из Тобольска на родину, полковника Ненха и других „лучших шляхтичей”, слышали об амнистии, которая якобы распространяется на всех ссыльных конфедератов. Не дождавшись отправки на родину, главные „начинщики” в количестве 24 человек, служившие в разных командах, „видясь один с другим на рынке и других местах”, договорились все просить увольнения¹⁴.

Власти особенно заинтересовались полковником Ненха. Правительствующий Сенат запросил сведения в Тайной экспедиции и Военной коллегии о нем, а также о других шляхтичах, пребывавших в Тобольске и после освобождения отосланных в свое отечество, а также информацию, почему другие конфедераты были оставлены в Сибири. Оказалось, что Иван Ненха - шляхтич Подольского воеводства, 55 лет - состоял с 1736 года в польской службе в роте маршалка Княжества Литовского князя Юзефа Паулина Сангушки панцирным товарищем, с 1 февраля 1768 года – командиром, а в конфедерации – войсковым судьей. В плен был взят 28 февраля 1769 года под местечком Сорокиным генералом поручиком Александром Александровичем Прозоровским. В списке уволенных конфедератов, присланном сибирским губернатором, под реверсом он подписался войсковым судьей Яном Ненхою¹⁵. Этот же человек упоминается в списке конфедератов, составленном Тесби де Белькуром¹⁶.

Исследования сибирских историков Светланы Анатольевны Мулиной и Анны Алексеевны Крих также подтверждают тот факт, что события в г. Тобольске были спровоцированы уверенностью конфедератов в том, что сибирский губернатор весьма вольно трактует указ от 10 сентября 1773 года и сознательно не отпускает их на родину¹⁷. Упомянутый указ „об освобождении пленных польских мятежников и находящихся между ними французов” действительно имел множество ограничений¹⁸. Наиболее ощутимым оказалось исключение из сферы действия амнистии военнопленных поляков, принявших православие, в результате чего большая часть перекрещенных польских

¹⁴ Ibidem, л. 4.

¹⁵ Ibidem, л. 6 об.

¹⁶ *Konfederaci barscy na Syberyi (1774)*, Kraków 1895, s. 18; K. Chojecki, op. cit., s. 186.

¹⁷ А.А. Крих, С.А. Мулина, *Польские конфедераты в Западной Сибири*, „Przeгляд Wschodni” 2014, т. II, з. 2 (50), s. 709.

¹⁸ *Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии „О правилах освобождения пленных Польских мятежников и находящихся между ними Французов”. 10 сентября 1773 г.*, в: *Полное собрание законов Российской империи*, 1-е изд., Санкт-Петербург 1830, т. XIX, nr 14.038, с. 821.

ссылных встала на сторону недовольных¹⁹. Сам же сибирский губернатор, оправдывая свои действия, ссылался на указ от 5 августа 1773 года, полученный из Военной коллегии, по которому удержал в Сибири конфедератов, определенных на военную службу и принявших веру греческого исповедания; а также на указ Военной коллегии от 7 октября 1770 года, предписывавший сибирскому губернатору рослых, здоровых и годных к полевой службе конфедератов определить в состоящие в сибирском корпусе карабинерный и драгунские полки, а прочих оправить в гарнизонные батальоны и на поселение, но в работы не употреблять²⁰.

Кароль Любич Хоецкий утверждал, что поляки смогли осуществить свои планы: во дворе губернаторского дворца они сложили с себя оружие и амуницию и решительно потребовали у губернатора отпустить их на родину. Чичерин, сбитый с толку этим поступком, мягко просил конфедератов отнести оружие и мундиры в свои гарнизоны, а утром следующего дня вернуться за паспортами. Когда безоружные конфедераты вернулись, их ожидали несколько тысяч военных и вооруженных жителей города²¹.

В рапорте Чичерина Сенату говорится, что выступление, описанное польским мемуаристом, осталось только в планах конфедератов, поскольку заговор был раскрыт, а его участники схвачены. Согласно рапорту, поляки планировали во время парада 22 сентября 1774 года совершить „формальный бунт”, отказаться от службы и повиновения. Множество собравшегося народа воспрепятствовало исполнению задуманного, поэтому было решено произвести бунт 30 сентября. В этот день находившиеся в военной службе шестеро польских конфедератов пришли к прокурору Тобольской губернии Пестрикову и просили его отпустить их в отечество. В поданном прокурору письме они написали, что „когда в пуску им в отечество не сделается, то все единогласно положили намерение: служить не хотят”²². Тогда же податели письма были взяты под стражу. Власти, опасаясь возможной связи тобольских событий с социальными выступлениями, охватившими многие губернии России, решили провести дознание о причине действий бунтовщиков и выяснить, только ли в том, что они не были отпущены на родину, состоит их недовольство, и кто главные возмутители.

Если Хоецкий не называет никаких имен, то в рапорте Чичерина содержится информация о 24-х зачинщиках. Уже этот факт говорит о том, что допросы конфедератов проводились весьма пристрастно, раз шестеро взятых под стражу поляков выдали в 4 раза большее количество недовольных. В то время, пока проходили допросы схваченных участников событий, остальные пленные конфедераты были заперты в гостином дворе под охраной

¹⁹ А. А. Крих, С. А. Мулина, *op. cit.*, s. 710.

²⁰ *Дело о бунте, учинившемся в Тобольске*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 26 об.-27.

²¹ К. Chojecki, *op. cit.*, s. 104-105.

²² *Экстракт, выбранной из дела о бунте...*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 3.

вооруженных купцов и ямщиков. Русских военных в городе было недостаточно, из-за их участия в подавлении восстания Пугачева.

По мнению властей, главными бунтовщиками оказались „сочинитель их писем и между собою условиев” Савелей Козицкой²³, а также Петр Райковской, Тадеуш Богуш, Матвей Родивиллович, Михайла Ташкевич, Петр Янгшевской, Яков Митославской, Антоний Раматовской, Лукаш Веселович, Андрей Карасинский, Юзеф Заморской, Даниил Крутинский, Петр Войнаровской, Воицех Славинской, Иван Степановской, Яков Нузаревич, Иосиф Мадар, Якуб Веяло, Антон Ендреевской, Андрей Чичович, Антоний Феизеньяр, Юзеф Головацкой, Степан Маскочик, и Мачи Петровской²⁴. К сожалению, мы не имеем практически никакой информации об этих людях. В письме к командующему сибирским корпусом Ивану Александровичу Деколону сибирский губернатор пояснял, что в числе главных зачинщиков заговора был солдат омского батальона из конфедератов Савелей Козицкой, прибывший из Омска в Тобольск с почтой и по болезни оставленный в госпитале²⁵. Зная, что в подчинении Деколонга находится немало число конфедератов, Д.И. Чичерин проявлял беспокойство, нет ли среди них подобных настроений. Это письмо позволило историкам сделать вывод, что в бунте приняли участие не только поляки, служившие в тобольском гарнизоне, но и размещенные по войскам сибирской линии²⁶.

Общее количество участников бунта приравнивается исследователями к количеству пленных польских конфедератов, находившихся на службе в Тобольске. А.И. Дмитриев-Мамонов ссылаясь на письмо Чичерина Деколону, пишет, что все польские пленные, „генерально, сколько их в Тобольске в разных командах ни есть, имели общий заговор”, и „все числом до 400 человек в тот же момент арестованы”²⁷. Из доклада Д. И. Чичерина видно, что в Тобольске на момент бунта находилось 390 польских пленных конфедератов, „коиными содержались караулы и разъезды”²⁸. Но другие документы, вошедшие в дело, в том числе принадлежавшие перу сибирского губернатора,

²³ По материалам сибирских архивов нам известен Лей Козицки, но одно ли это лицо с Савелием Козицким не понятно (*Список именной польским пленным конфедератам, находящимся в Тюмени, приведенным прапорщиком Максимовым и назначенных ко определению в состоящие на сибирской линии драгунские полки в службу*, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области „Государственный архив Тюменской области” (ГБУТО ГАТО), Ф. Иб, оп.1, д. 326а, л. 12).

²⁴ По списку, составленному Тесби де Белькуром, мы идентифицировали двух зачинщиков бунта: Тадеуша Богуша (Tadeusz Bohusz) и Петра Войнаровского (Piotr Wojnarowski). Зная, что в российских документах многие польские фамилии искажались, можно допустить, что Петр Янгшевской и Антон Ендреевской – это упомянутые Белькуром участники серадзской конфедерации Петр Янишевский (Piotr Janiszewski) и Антоний Андржеёвский (Antoni Andrzejowski), а Антоний Раматовской – „взятый на дороге” Антоний Романовский (Antoni Romanowski), *Konfederaci barscy na Syberyi (1774)*, Kraków 1895, s. 30, 74, 93, 128, 142.

²⁵ *Письмо сибирского губернатора Д. И. Чичерина командующему сибирским корпусом И. А. Деколону*. 30 сентября 1774 г. Тобольск, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 627, ч. 12, л. 27 об.

²⁶ Например, А. И. Дмитриев-Мамонов, *op. cit.*, с. 133.

²⁷ *Ibidem*, с. 133.

²⁸ *Дело о бунте, учинившемся в Тобольске*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 18.

позволяют немного скорректировать эту цифру, до 391. Из этого количества конфедератов 268 приняли участие в бунте, а 123 - нет.

Сибирский губернатор представил в Сенат подробную ведомость о 268 конфедератах, участвовавших в бунте, с информацией, когда и откуда они были присланы в Тобольск²⁹. Среди них были конфедераты, присланные из Казани от казанского генерал-губернатора Андрея Никитича Квашнина-Самарина в декабре 1769 года – 35 человек и в августе 1770 года – пятеро. Из пермской провинциальной канцелярии с повелением казанского губернатора пришли в Тобольск в сентябре 1770 года 22 человека. От казанского генерал-губернатора Якова Илларионовича фон Брандта в 1770 г. был прислан один конфедерат, в 1771 года – семеро, в 1772 года – 63 и в 1773 года – 39. Из Троицкой крепости от коменданта бригадира Антона Адамовича де-Фейервара в двух партиях пришли 2 и 5 февраля 1771 года соответственно 49 и 47 человек. Они состояли на службе в оренбургских батальонах, и попали под подозрение в связи с начавшимися волнениями. Интересно, что эти две партии пришли в Тобольск в сопровождении конвойных офицеров, назначенных из числа тех же пленных конфедератов: первая партия – с каптенармусом Шикорским, а вторая – с каптенармусом Беляцким, которые, получается, тоже приняли участие в тобольском бунте. По сведениям Чичерина, участниками возмущения были конфедераты, давшие присягу верности, как в губернских ротах так в батальонах и в казачьей команде.

Утверждение Хоецкого, о том, что в Тобольске к началу бунта скопилось около 600 конфедератов, тоже имеет под собой основания³⁰. Скорее всего, кроме упомянутых нами конфедератов в количестве 391 человека, в это число вошли также конфедераты, состоявшие на службе в тобольских губернских ротах и гарнизонных батальонах, но находившиеся в походе. Таковых по данным сибирского губернатора было 201 человек³¹.

В литературе закрепилось свидетельство Хоецкого о том, что семеро человек, признанных предводителями бунта, были прикованы к столбу и наказаны 800 ударами розог, на лбу у них было выжжено клеймо, вырваны ноздри. Закованные в кандалы, они были отправлены в вечную ссылку. Остальные конфедераты были разосланы в казачьи полки. Из рапорта Чичерина узнаем, что главные зачинщики в количестве 24-х человек были подвергнуты экзекуции, но какой не известно, и после сосланы на каторгу. Прочих участников заговора было решено, разбив на части, разослать по разным городам. При распределении на группы и отправке участников выступления в присутствии губернатора история получила неожиданное продолжение. Из находящихся

²⁹ *Ведомость о польских пленных конфедератах, которые в Тобольске оказались в бунте, откуда, когда и с кем в Тобольск присланы*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 11-11 об.

³⁰ К. Chojecki, op. cit., s. 104.

³¹ *Рапорт сибирского губернатора Д. И. Чичерина в Правительствующий Сенат. 9 октября 1774 г.*, РГАДА, Ф. 248, оп. 113, д. 293, л. 2.

в гостином дворе пленных конфедератов шесть человек выскочили и закричали своим, „чтоб стоять всем единокорно и не даваться до разбивки их на малыя партии”³². Недовольные были тут же схвачены, и инцидент не получил развития. Участникам так называемого „второго бунта” „в страх другим” также было учинено наказание 4 октября 1774 года, остальные в кандалах были разосланы по сибирским городам и наиболее крупным сёлам. Во время второго бунта в гостином дворе перед воротами были поставлены две заряженные картечью пушки. Этот факт в последствие породил миф о том, что губернатор отдал приказ стрелять по взбунтовавшимся полякам, которых затем погребли под крутым берегом Иртыша, названного с тех пор „Панин бугор”³³.

К доношению в Правительствующий Сенат от 9 октября 1774 года сибирский губернатор приложил рапорт с информацией, какое число конфедератов и куда было отправлено. Оказалось, что все 268 участников бунта покинули Тобольск. В г. Красноярск было отправлено 30 человек, в г. Тару – 35, в г. Енисейск – 48; партиями по 35 человек поляки были разосланы в г. Березов, г. Сургут и Самаровский ям; 30 человек оказалось в г. Томске и 20 – в Демьяновском яме³⁴. Интересна пометка, что в числе 48 конфедератов, отправленных в Енисейск, находились 11 первых „начинщиков” бунта. Кто вошел в это число, не поясняется. 123 конфедерата, не принявшие участие в бунте, остались и далее служить в Тобольске.

15 июня 1775 года Екатерина II подвела итог под этими событиями. Поскольку зачинщики тобольского возмущения публично по законам уже были наказаны, то другого решения об их судьбе императрица делать не стала, подчеркнув только то, что от каторжных работ они никогда не могут быть освобождены. Тех, кого сибирский губернатор за участие в бунте разослал по разным местностям Сибири, было велено избавить от телесных наказаний, освободить из оков, годных и здоровых поляков распределить на разные казенные заводы в работы, а негодных - на поселение, но так, чтобы оные в одно место по многуму числу не были соединяемы. Оставшимся 123 конфедератам за то, что они не пристали к бунтовщикам, было указано выдать вознаграждение: „не в зачет каждому за треть жалованья”³⁵. Интересно, что после тобольского бунта власти не изменили своего отношения к конфедератам, принявшим православие, подтвердив положение указа от 10 января 1773 г. не выпускать таковых из России³⁶.

В целом, местные власти проявили определенный реализм в осмыслении тобольских событий и не стали связывать их с пугачевским движением. Но

³² *Экстракт, выбранной из дела о бунте...*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 5.

³³ М. Janik, *Dzieje Polaków na Syberii*, Warszawa - Wrocław 1991, s. 58.

³⁴ Рапорт сибирского губернатора Д. И. Чичерина в Правительствующий Сенат. 9 октября 1774 г., РГАДА, Ф. 248, оп. 113, д. 293, л. 2.

³⁵ *Дело о бунте, учинившемся в Тобольске*, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 29–30.

³⁶ *Письмо генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского сибирскому губернатору Д. И. Чичерину*. 24 января 1775 г. Москва, РГАДА, Ф. 6, оп. 1, д. 530, л. 34.

надзор за польскими пленными был усилен. Генерал Деколонг предложил всем начальникам военных частей, расположенных по сибирской пограничной линии, „иметь неослабное примечание над состоящими в здешних местах конфедератами, отобрав от них ружья и патроны”³⁷. Приказание генерала было приведено в исполнение во всех командах, встретив протест лишь со стороны начальника 13 легкой полевой команды премьер-майора Эртмана, донесшего, что находящиеся в его команде конфедераты, в количестве 21 человека с успехом участвовали в подавлении мятежа на территории Ялуторовского дистрикта, поэтому несправедливо налагать на них какое-либо позорное наказание. Протест был принят во внимание, и конфедераты этой команды сохранили оружие и патроны.

Реконструкция событий осени 1774 года в Тобольске далека от завершения. Например, мы практически ничего не знаем о дальнейшей судьбе участников тобольского бунта. Нам удалось обнаружить только трех бывших бунтовщиков. Первые два - польский шляхтич Францышка Матвеев Здановской, отправленный за участие в тобольском бунте в Самаровский ям, и бывший мещанин г. Тарнув Матвей Васильев Ровитской (Ровицкой), сосланный за участие в бунте в г. Березов, а после – в Петровский завод. Оба смогли вернуться в Тобольск и с 1 мая 1784 года служили в Тобольской штатной губернской роте, первый – рядовым, а второй – драгуном. Ровитской, выйдя в отставку, проживал в г. Тобольске. По данным на 1 января 1794 года имел 57 лет, был холост, а в 1804 года выразил желание возвратиться на родину³⁸. Здановской 21 января 1789 года получил чин капрала, а 1 января 1792 года – сержанта, но дальнейшему карьерному росту препятствовало клеймо бунтовщика, и в ведомости около его фамилии стояла пометка местных властей: „за прописанным пороком к повышению чина не аттестуется”³⁹. На 1 января 1794 года он в возрасте 53 лет все еще состоял на службе в конной команде, был женат на дочери российского разжалованного дворянина Авдотье Ильиной 37 лет, имел сына Семена 6 лет.

Третий – один из зачинщиков бунта Антон Ендреевской (в документах тобольского архива он значится как Андреевской), которого мы обнаружили состоящим на службе в енисейской штатной команде. По указу от 30 апреля 1804 года он вместе с сыном Гаврилой был отправлен в г. Варшаву, но в 1806

³⁷ А. И. Дмитриев-Мамонов, *op. cit.*, с. 133–134.

³⁸ О Ровитском также известно, что он был взят в плен под Варшавой, не знал российскую грамоту и выглядел на 1794 году так: „росту 2 аршина 4/2 вершка, лицо белое, глаза серые, нос средний, волосы русые, плешив” (*Список, учиненной находящимся здесь пленным конфедератам, кто оне таковыя, значатся ниже сего*, Государственное учреждение Тюменской области „Государственный архив в г. Тобольске” (ГУТО ГАТ), Ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 11; [Документ без названия], Там же, л. 14; *Список тобольской штатной губернской роты и о состоящих в оной для исправления службы городских команд унтер-офицерах, капралах, рядовых, комплектных и сверх комплектных, о службе их и прочем. 1 января 1794 г.*, ГУТО ГАТ, Ф. 341, оп. 1, д. 274, л. 41 об. – 42 об.).

³⁹ *Список о службе и достоинстве сержантов, состоящих в тобольской штатной губернской роте. 1 января 1794 г.*, ГУТО ГАТ, Ф. 341, оп. 1, д. 274, л. 4 об.-5.

года пожелал вернуться обратно в Сибирь к родственникам и получил билет на проезд до г. Тобольска⁴⁰. Мы видим, что жизнь участников тобольского бунта сложилась по-разному, но во всех трех случаях не так уж плохо.

В заключение отметим, что тобольские события осени 1774 года сложно охарактеризовать как бунт или восстание. Даже в планах пленные конфедераты не шли далее отказа от службы и сдачи амуниции. Не известно, реализовали бы поляки задуманное, но инициативу перехватили власти, начав пристрастное следствие и расправу. Столь же неоднозначными были критерии, по которым власти определяли виновных. Без сомнения, в бунтовщики записали конфедератов, подавших петицию прокурору Тобольской губернии Пестрикову, а также тех, кто выказал неповиновение во время так называемого второго бунта. Остальных виновных, а это, напомним, около 250 человек, выявляли на основе показаний зачинщиков и других лиц. Таким образом, тобольские события являлись не столько примером борьбы поляков в российском плену, сколько проявлением реакции самодержавного государства на обострение социальных конфликтов на территории империи.

⁴⁰ Известно описание примет Антона Ендреевского на 1806 г.: роста среднего, лицом бел, носа большого, волосы на голове седые (ГУТО ГАТ, Ф. 329, оп. 13, д. 130, л. 70; В. С. Сулимов, *Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801-1881 гг.): биографический словарь*, Тобольск 2007, с. 4).